

Аркадий
АДАМОВ

«КОСОБЫЙ СРЕЗ РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ...»

ТАК емко и точно определил детективный роман Бертольд Брехт.

Для меня работа в этом жанре началась более четверти века назад. В ноябре 1952 года я впервые пришел в Московский уголовный розыск — МУР.

Привели меня туда причины и случайные, и неслучайные. Но цель у меня была одна — собрать материал для будущей повести.

Однако скоро я понял, что беседы в кабинете с сотрудниками ничего не дают. И тогда я решил в МУРе трудиться, как все, я постарался стать товарищем и помощником в сложной и увлекательной работе, которой были заняты люди вокруг меня.

Я хорошо помню своих друзей тех лет, а большинство своем — боевые офицеры, прошедшие сквозь огонь войны, люди с большим житейским и военным опытом. Меня удивляло их знание всяких житейских обстоятельств, какая-то необычная для молодых людей рассудительность. Это уже приобретено было здесь, в МУРе.

Работа их — не только бессонные ночи, вечное напряжение нервов, огромная ответственность, но и немалый риск. Опасность шла всегда рядом с ними.

Вначале меня захватил нелегкий путь раскрытия преступления, накал борьбы. Ибо шли мои друзья обычно сложным, путанным, долгим путем, шли, полные нетерпения, гнева и жажды справедливости, ибо за нашей спиной всегда стояло преступление, стояли чье-то горе, слезы, растоптанное человеческое достоинство, а то и сама человеческая жизнь.

Так вот, поиск. Трудный, сложный, порой опасный, он всегда предшествовал этим «раскрытиям». И потому с самого начала для меня шли рядом жизненный материал и жанр. Ибо мне казалось необычайно привлекательным рассказать не только о том важном, что открылось нам, но и как, каким путем и с каким трудом к этим открытиям пришли. На это наталкивали меня вовсе не литературные образцы и даже не горячий читательский интерес к жанру. Хотя, возможно, где-то подсудно, подсознательно было и это. Но в первую очередь двигало мною, требовало все это рассказать мое собственное нетерпеливое волнение, мое и моих товарищей, когда шли они по еле заметному, прерывистому следу, когда билась над разгадкой трагедии, происшедшей только вчера. Этот как бы «внешний» путь поиска и борьбы, этот «сюжет», событийный ряд должен был, не мог не захватить читателя и заставить его воспринять плоды наших нелегких открытий — судьбы, характеры и тающиеся в них конфликты и проблемы.

Конечно, в сюжет каждой из книг входили эпизоды из разных дел. Я как бы «складывал» свое собственное «дело» в соответствии с целями, которые я перед собой ставил, с проблемами, которые мне хотелось поднять. Но, повторяю, почти все эти эпизоды в разное время, при иных, конечно, обстоятельствах и потому порой чуть иначе, но были на самом деле в работе МУРа, а затем и уголовного розыска и отделов БХСС других городов, где мне пришлось побывать за эти годы. Это довелось встретиться и подружиться с интересными людьми, послушать их рассказы, почитать документы, а то и принять участие на том или ином этапе в расследовании наиболее интересных и нужных мне в этот момент дел.

Однако пусть в связи с этим никто не подумает, что детективный жанр некоторым образом сродни документалистике. Нет, конечно. Фантазия, качество, непременное для беллетристики, а здесь играет свою первостепен-

ную роль. Ибо ни один подлинный эпизод не переносится в сюжет в своем первоначальном виде, а любой вымышленный мог бы произойти и на самом деле, если бы в жизни возникли те вполне реальные обстоятельства, которые создал автор детективного романа на основе наблюдений и знания реальной практики своих героев.

До сих пор не могу забыть трагическую историю, рассказанную мне одним из старейших и талантливейших работников МУРа Виктором Алексеевичем Симаковым. Это был тонкий психолог и великий знаток нравов, обычаев и приемов самой, пожалуй, наглой и отвратительной категории преступников, считающей себя некой «элитой» этого подлого мира, — карманных воров. Не тех, конечно, мелких пугливых карманных ворешек, о которых обычно сразу и вспоминаешь, а «артистов», «королей», обчищающих человека до нитки.

И вот эта «элита», эти «короли», всех презирающие и, казалось, никого не боявшиеся, ненавидели и боялись Симакова, он знал все о них. И спуску он им не давал, он и его сотрудники, ибо Симаков возглавлял аппарат по борьбе с этими «королями». В других городах карманные воруны-«гастролеры» спрашивали у приезжих: «Не слышал, жив еще Симаков в Москве? Жив? Ну, тогда соваться туда нельзя». И для московских «королей» положение становилось прямо-таки невыносимым: либо беги из Москвы, либо... избавляйся от Симакова. Для этого надо было узнать, где он живет, и найти подходящих «исполнителей», сами они такими делами не занимались.

А в это время к Виктору Алексеевичу приехал, демобилизовавшись из армии, младший брат. Познакомился он в Москве с девушкой, и на свидание не захотелось ему идти в старой армейской шинели, надел пальто брата и его шляпу. Поздно вечером, когда он возвращался домой, в пустынном и темном переулке произошла трагедия. Паренька приняли за его старшего брата...

И вот в день похорон, когда из дома на улицу выносили гроб, вместе с большой толпой знакомых, соседей, друзей пришли «проводить» ненавистного Симакова его убийцы. И неожиданно в дверях появился... живой Симаков. Светлые глаза его на бледном лице, эти зоркие, страшные глаза его нашли в толпе убийц, мгновенно нашли. Симаков не поехал на кладбище, он сам задержал убийц брата. Ошеломленные, они тут же признались во всем. Почти мистическое «воскрешение» Симакова было выше их сил, и нервы не выдержали.

Это все я услышал от самого Виктора Алексеевича. Но многое я увидел в те первые месяцы и своими глазами. Я видел разоренные квартиры, ограбленных, глубоко униженных людей, честных, трудолюбивых, добрых...

Я, например, хорошо запомнил большую, просторную номер в одной из гостиниц и одиноко плачущую там, в углу, в кресле, милую светловолосую женщину, известную актрису из Ленинграда. Ее обокрали здесь, в гостинице, нагло, жестоко, дочиста. Но «тряпок» ей жалко не было, хотя, судя по описи, это были не такие уж дешевые вещи, и даже кольцо с бриллиантом, и

какую-то брошь тоже. Но вот кораллы, подарок покойного мужа, с которыми она не расставалась, и ключ, редкий сувенир великого города певцов, преподнесенный ей во время зарубежных гастролей, — этой утраты она была не в силах пережить.

Я помню переполнявшую нас злость и минутное малодушное ощущение беспомощности и стыда. Мы ничем не могли утешить, поддержать эту горько рыдающую женщину, ничем, кроме как... найти, задержать ловкого и наглого вора и вернуть ей кораллы и ключ.

Это, кстати, оказалось далеко не просто. Весь сложный, трудный путь к нему и остроумный план, который в конце концов помог задержать этого опасного человека, я описал много позже в романе «Злым ветром». Только тогда эта история, на мой взгляд, удачно вошла в сюжет и помогла мне решить задачи, которые я перед собой ставил в том романе. Там этот человек получил фамилию Мушанский. Кстати, об этом Мушанском...

Я уже говорил, что в первое время моей работы в МУРе меня прежде всего поразило само преступление и увлек путь к его разгадке. Однако постепенно все явственней, все настойчивей обступали меня другие вопросы: «Как все это могло случиться? Почему такое произошло? Как этот человек стал таким? Где просчет, где ошибка, где причина?» Я вспомнил об этом в связи с Мушанским.

Лет пятнадцать назад в Москве появился убийца, редкий по своей садистской жестокости. Он обходил днем дома, представляясь работником Мосгаза, и если в квартире оказывался один ребенок, то убивал его и грабил квартиру. Подобные преступления он потом совершил и в Иваново.

С точки зрения чисто профессиональной, розыскной, случай этот был весьма трудным. С самого начала стало очевидно, что это «гастролер», что в Москве у него преступных связей нет, что выбор жертв случаен, что он неизвестно откуда приехал, ибо ни в одном городе до этого не было зарегистрировано подобных преступлений, и в любой момент может исчезнуть. Кроме того, было ясно, что преступник необычайно опасен, ибо в случайных квартирах, которые он грабил, добыча была невелика и звериный инстинкт гнал его на новые преступления. Удалось составить весьма удачный «фоторобот», ибо преступника видели во многих квартирах, где ему открывали взрослые. Наконец было решено оповестить о преступнике население. И он попался, не мог не попасться. Главную роль здесь, естественно, сыграли работники милиции. Я видел, как они работали в те дни, ощутил небывалую тревогу, которой они были охвачены, и ту меру ответственности, которая легла на их плечи, — гибли дети, погибла женщина...

Наконец его схватили. Первый допрос. Я присутствовал на нем. Кто же сидел перед нами? Он был, оказывается, актер, нет — актрিশко, бездарный, пошлый и, как обычно в таких случаях, с бешеным самомнением и честолюбием. Он кричал, наливаясь кровью: «Они погубили мой талант!.. Я не прощу им этого!..» Он, как всегда, пытался играть «на публику».

И я старался вслед за опытнейшими следователями, а затем и судьями разобраться, понять, откуда он взялся, кто и что его сделало таким.

Страшная история эта, естественно, отложилась у меня в записках, в памяти, а потом, уже, конечно, в измененном виде, попала в роман.

Кто же все-таки был этот человек, как возник? Пойдем вначале по первому и привычному кругу причин. Семья. Отец работал в артели, снабженец. Ничего предсудительного? Конечно. Но судимость за хищения? Мать не работала. Тоже, казалось бы, ничего страшного в этом нет. Но приводы в милицию за спекуляцию на рынке? Какие разговоры вели эти люди при сыне? Каков был круг их забот и дел, вкусов и интересов, наконец, знакомств? Ну, а круг его друзей? О, это были явные подонки, иначе откуда бы взялся бесконечным ресторанным попойкам, стойкому нежеланию учиться и, наконец, первой судимости?

Вот какое было у него окружение, точнее, вот какое окружение он себе нашел. Но и дома, и среди дружок он непрестанно слышал о своих способностях, выдающихся, конечно, способностях, о блестящем будущем, которое непременно его ждет, и упивался этим. А потом — театр в областном городе и очевидная для всех, явная неодаренность и стойкое нежелание работать. При этом немислимые претензии, чудовищное самомнение. И развивается, растет в нем ущемленное, болезненное чувство презрения к окружающим, злобной неудовлетворенности. Ему, конечно же, не дают ролей, на которые он претендует. Так, только терпят «на выходах». И он вопит, что убьет директора театра, убьет главного режиссера. Может быть, тогда это выглядело как заурядная истерика? А его тяга к оружию, к ножам, топорам при истерическом, разнузданном характере? Как блажь, чудачество? Кстати, топором он потом и убивал.

Но все-таки, все-таки от попойки, мелких краж, истерик, безудержного хвастовства и угроз — к таким страшным, бесчеловечным преступлениям... Согласитесь, здесь должно было наличествовать что-то еще, какая-то подоснова, какой-то неисследованный пласт причин. Вера в свой исключительность, гениальность, искренняя, фанатичная вера? Полная атрофия жалости, сострадания к людям? Наконец, «нулевая» привычка к труду? Все это в нем было в полной мере. И все-таки явно неблагоприятные условия, в которых он воспитывался, очевидно, развили, а не подавили в нем что-то еще, глубинное и страшное, что в другом «нравственном климате», возможно, было бы подавлено. Но никто ему ничего не выбирал, он с самого начала попал «не туда», а дальше уже активно искал то, что ему хотелось.

Вот он — «особый срез реальной жизни», который призван исследовать автор детективного романа особыми средствами своего жанра.

Однако интересно было в этом деле и другое. Исключительный отрицательный тип естественно и неизбежно собирает вокруг себя куда менее исключительную и потому, вероятно, более по-

учительную отрицательную среду. В данном случае особенно любопытным экземпляром в этой среде оказалась подружка, которую нашел себе этот бандит.

Пустую ту девчонку он уверил, что его ждет богатство в Москве: сберкнижки и огромное наследство от дяди. Более того, сам он представился ей как некий таинственный «майор» с особыми заданиями. Пошлый и злоедейский спектакль разыгрывал перед ней этот актриско!

А девчонка верила всему! Хотела верить. Влюбилась? Вероятно. Ослепило возможное богатство? Безусловно, и разбудило жадность. И ее, конечно, заворожила его «суровая» таинственность. Но вот он признается ей в убийстве некоего «чужого» человека. Да какая душа не содрогнется, какую женщину не охватит ужас! Ведь руки, которые ее сейчас обнимают, только что держали топор и били по живому человеческому телу. Ну, а в следующий раз он уже сообщает ей, что убил «своего». Как тут не кинуться в милицию? Как не убежать от этого страшного человека? Нет, она лишь затирает кровь на его одежде, прячет топор.

Откуда же это поразительное бессердечие, ослепление и безволие, эта пустая душа? Откуда вообще взялась эта девчонка? Она приехала в тот город из другого, приехала поступать в театр, ей сказали, что она «профессионально» танцует в заводской самостоятельности, и она все бросила — родителей, завод — и поехала «за красивой судьбой». Что же у нее была за семья? Самая обычная, честная и трудовая. Отец рабочий, затем механик, брат тоже рабочий, квалифицированный, передовой. Девчонка имела много грамот, дипломов. Их потом представил суду адвокат. За что они были ей вручены? Оказывается, за активное участие в заводской самостоятельности. Она любила плясать. К ее характеру и нравственным качествам это, конечно, отношения не имело. Между прочим, на мой вопрос во время следствия, что она читала, ответила: «Школьные книжки», — больше ничего. Адвокат представил и всякие характеристики. Завод сообщал, что она добросовестна и... доверчива. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы ее избрали не только в редакцию стеновой газеты (при ее-то интересе к печатному слову!), но даже комсомол! Ведь бывает еще у нас, что общественную работу поручают тому, кого удастся уговорить. Ну, а девчонка была доверчивой. И еще характеристика из домоуправления: «скромный образ жизни», «жалоб на недостойное поведение не поступало». Значит, тихо, скромно, незаметно жила та девушка, жила до тех пор, пока не появилась на ее пути тот страшный человек...

И снова встает все тот же вопрос: откуда, как возникла эта черствая, пустая душа, это жадное и безвольное существо? Что же сказать, как всегда, в таких случаях: семья, школа, комсомол что-то недоглядели в этой коротенькой судьбе, чего-то недодали, недоделали? Конечно. Но, кроме этого, мне кажется, здесь осталось что-то и «недоизученное».

Эта девчонка — готовый персонаж романа, будущего романа. А вот тот страшный человек со своей звериной «философией» и некоторыми существенными деталями биографии уже вошел в роман «Злым ветром», получив фамилию Мушанский.

Таков, повторяю, тот «особый срез реальной жизни», который серьезно и глубоко представляет детективный роман, остающийся увлекательным для поистине необозримого круга читателей.